

после краха социализма продолжать говорить о том, что капитализм не имеет альтернативы? В настоящее время в этом уже можно усомниться, что подтверждает системная природа кризиса. Альтернатива нынешнему капитализму существует хотя бы потому, что будущее всегда многовариантно и непредсказуемо. Тему социализма применительно к возможности посткапиталистического развития также не следует считать закрытой. Во-первых, история доказывает, что новое рождается не через один, а через два скачка и два перехода. То есть процесс утверждения нового проходит через отрицание отрицания. Первоначально отрицается предшествующий тип экономики, и одновременно происходит отрицание старого качества и первичной (незрелой) формы экономики нового типа. И только после второго перехода может произойти действительное утверждение нового типа экономики, либо этот процесс рождения нового в экономике затухает в силу разных обстоятельств. Между прочим именно так проходило становление капитализма. Первоначально он возник в городах на севере Италии, в Швейцарии, Нидерландах. Однако затем наступил откат и возвращение феодализма. Лишь со второй попытки, когда в Англии совершил-

ся промышленный переворот, капитализм побеждает окончательно. Не исключено, что эта схема применима и для посткапиталистического развития, тем более что сам лозунг «нового социализма» не исчез, но лишь дальше распространился по миру (в частности, в Латинскую Америку). Учитывать надо и то, что глубина кризиса и сложность выхода из него отражаются на росте популярности альтернативных вариантов развития в Европе и Азии. Во-вторых, капитализм обладает действительно редкой способностью к трансформации и обновлению. Представляется, что именно в этом следует видеть его историческое преимущество, даже более значимое, чем инновационность в производственной сфере. Поэтому и сегодня у капитализма есть перспектива, которая воплотится, если в нем найдется потенциал для очередного обновления.

Таким образом, исторический выбор, вновь возникший в зоне бифуркации в мире капитала, можно определить так: к «другому капитализму» или к «другому некапитализму». «Вопрос этот разрешит отнюдь не поединок между пророчествами, но грядущая история». С этим утверждением Яноша Корнай нельзя не согласиться.

Виктор Рязанов

ДРУГОЙ КАНОН

Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. М.: ГУ ВШЭ, 2011. — 384 с.

В книге известного норвежского ученого подвергается критике господствующая экономическая теория

и предлагается альтернативный взгляд на роль рыночных регуляторов и свободной торговли в разви-

тии национальных экономик. Автор не считает, что рынок автоматически приводит к гармонии, выравниванию доходов, эффективному распределению ресурсов, стимулирует экономическое развитие и прогресс. В исследовании Райнерта рассматривается альтернативная экономическая наука, которую он называет «другим каноном». Другой канон «объединяет экономические подходы и теории, которые исходят в своих рассуждениях об экономике из фактов и опыта» (60)³. Автор ставит задачу вернуться к «теории, которая считает экономическую гармонию результатом сознательной политики» (20). Рыночные регуляторы не всегда оказывают положительное влияние на национальную

экономику. Райнерт сформулировал несколько ключевых условий, при которых рыночные силы оказывают положительное воздействие на экономический рост и развитие. Свои суждения и выводы Райнерт сделал на основе изучения народного хозяйства и экономической мысли более чем за 500-летнюю историю человечества, а также анализа последствий политики открытых дверей в различных странах мира. По своим воззрениям Эрик Райнерт близок к позициям предшественников и последователей Фридриха Листа. На российской почве это направление экономической мысли наиболее полно отразилось в трудах и практической деятельности Сергея Юльевича Витте.

ОТРАСЛИ С УБЫВАЮЩЕЙ И ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ОТДАЧЕЙ

Теоретическим основанием всей книги является положение о том, что «разные виды экономической деятельности качественно различаются как источники богатства» (36). Для одних видов деятельности характерна убывающая отдача — это отрасли сельского хозяйства, добывающая промышленность, производство и первичная переработка сырья. Для обрабатывающей промышленности и сферы продвинутых услуг, напротив, характерна возрастающая отдача.

С ростом объема производства в отраслях с убывающей отдачей издержки на единицу продукции возрастают. Связано это с тем, что приходится осваивать менее плодородные земли, менее богатые месторождения, более удаленные

от рынков сбыта и обжитых районов с обустроенной социальной и производственной инфраструктурой. «Каким бы ни был начальный уровень производительности, производство сырьевых товаров, в том числе сельское хозяйство, рано или поздно придет к убывающей отдаче», — подчеркивает автор (185). В самом деле, сырьевая экономика имеет серьезные ограничения развития. Она занята добычей и первичной переработкой продуктов природы, поэтому обладает низким инновационным потенциалом: проходят годы, века — пшеница остается пшеницей, а нефть есть нефть. Отрасли с убывающей отдачей не создают разнообразия занятий и производств. Отсюда относительно низкий спрос на знания и широкое использование низкоквалифицированного труда. Сырьевая экономика основана на простом разделении труда и имеет слабый

3. Здесь и далее цифрами в скобках обозначены страницы рецензируемого издания.

интеграционный потенциал. В единице объема продукции сырьевых продуктов содержится небольшая добавленная стоимость, что сказывается на повышенной стоимости ее транспортировки и создает экологические проблемы. Сырьевые товары являются промежуточными и полностью зависят от производителей конечной продукции. Месторождения, земли, пригодные для сельскохозяйственного производства, распределены неравномерно по территории стран и регионов и потому обеспечивают различные возможности для производительной деятельности, являются основой региональной разобщенности.

В обрабатывающей промышленности и продвинутых услугах все обстоит совершенно иначе. С ростом объема производства затраты труда и капитала на единицу производства снижаются, отдача возрастает. Первый экземпляр компьютерной программы, приводит пример автор, стоит очень дорого, а последующие копии почти не требуют затрат. В обрабатывающей промышленности и сфере высоких технологий производятся продукты человеческого ума, знаний, изобретений. Они бесконечно разнообразны, и как продукты, так и технологии постоянно обновляются. Сферы производства и услуг с возрастающей отдачей стимулируют любознательность, разнообразие деятельности, специализацию, разделение труда, сотрудничество, формируют общественное единство, взаимозависимость и порождают синергические эффекты. Отсюда высокий спрос на образование, переобучение, опыт, на квалифицированный труд. «В сфере услуг и обрабатывающей промышленности нет активов, зависящих непосредственно от природы, ни полей, ни шахт,

ни рыболовных угодий, ограниченных по количеству или качеству. В этих отраслях увеличение производства вызывает падение издержек или рост отдачи» (37). Размещение и распространение производства меньше зависит от природных условий. «Между сырьем и готовым продуктом находится мультипликатор — производственный процесс, который требует знаний, механизации, технологий, разделения труда, возрастающей отдачи и одновременно сам создает их» (118). Это своего рода вечный двигатель, который в перспективе не имеет ограничений. «Для цивилизации, — делает вывод автор, — необходима деятельность с возрастающей отдачей» (273). Автор приводит множество примеров успешного экономического развития и с полным основанием утверждает: «Все богатые страны разбогатели одинаковым способом, используя одну и ту же стратегию: они отказались от сырьевых товаров и убывающей отдачи ради обрабатывающей промышленности и возрастающей отдачи» (38). «Основной европейской экономической политики было убеждение, что развитие обрабатывающей промышленности решает все основные экономические проблемы: создает необходимые рабочие места, прибыль, большие зарплаты, базу для налогообложения и лучшее денежное обращение» (49). В странах с развитой промышленностью преобразуются сельское хозяйство и добывающие отрасли промышленности, что обеспечивает общий прогресс производства. «Ключ к стабильному развитию — это взаимодействие между секторами с убывающей и возрастающей отдачей в пределах одного рынка труда» (284).

Как пишет автор, «аргументы за, они же против» (131). Все зависит от вида экономической деятельности и уровня развития. Однако по порядку. Из сказанного выше следует, что отраслям с возрастающей отдачей от масштаба производства необходим возрастающий рынок сбыта. Чем он больше, тем меньше издержки на единицу продукции и выше доходность. Страны, располагающие передовыми отраслями с возрастающей отдачей, нуждаются в политике открытых дверей, свободной торговли и глобализации. И такая политика выгодна всем: и производителям, и потребителям. «Чем больше рынок и чем больше товаров и услуг мы потребляем, тем дешевле обходится производство единицы этих товаров и услуг. В этом явлении содержится огромный потенциал, способный увеличить благосостояние всего человечества» (131). Затраты на новые технологии, научно-технические разработки и исследования связаны с большими затратами и рисками. Окупиться они могут только на огромном рынке. Поэтому свободный рынок создает предпосылки для окупаемости и тем самым способствует распространению технического прогресса, инноваций и новых знаний. В результате распространения новых способов производства и новых знаний, специализации и разделения труда создается общественная сила, синергический эффект роста технических знаний и их практического использования. Происхо-

дит ускорение экономического развития, увеличивается разнообразие товаров и услуг.

Развитая обрабатывающая промышленность и продвинутые услуги сами по себе имеют конкурентные преимущества. «Высокие фиксированные издержки создают крупную экономию на масштабе производства, или возрастающую отдачу. Это в свою очередь создает барьеры для доступа конкурентов и приводит к олигополистической структуре рынка, весьма далекой от стандартных предпосылок экономической науки» (138). Новейшие отрасли производства товаров и услуг к тому же защищены патентами, правами собственности, торговыми марками, что оберегает их от конкурентов. «Растущая отдача создает власть над рынком: компании в большой степени могут влиять на цену того, что они продают» (37). Это чрезвычайно важный вывод автора, который означает, что такие виды деятельности ограничивают свободную конкуренцию и не слишком нуждаются в иных формах защиты. «Технологии и возрастающая отдача, основные источники экономической власти, создают экономические барьеры для доступа» (71). «Используя возрастающую отдачу, технологические эффекты, а также эффекты образования и синергии, — пишет Райнерт, — мы можем разработать действительно мощные аргументы в пользу глобализации. Однако они же будут мощными аргументами против глобализации» (137).

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Во-первых, страны, специализирующиеся на отраслях с убывающей от-

дачей, по определению не могут в полной мере реализовать возмож-

ности расширяющихся рынков. Во-вторых, страны с менее развитой обрабатывающей промышленностью не выдерживают международной конкуренции и утрачивают ее. «Страны, поставляющие сырье другим странам, рано или поздно окажутся в ситуации, когда отдача от их деятельности станет убывающей. <...> Увеличивая производство, страна добьется меньшей продуктивности» (138–139). В сырьевой экономике производится то, что создано природой. Здесь нет ни новых продуктов, ни новых полезных, ни нового спроса, ни принципиально новых знаний. Производство упирается в ограниченность природных ресурсов и в ограниченность спроса, оно не может развиваться столь же динамично, как обрабатывающая промышленность и новые сферы услуг, непрерывно рождая новые продукты, полезности, знания, спрос. В глобальной экономике страны, делающие упор на развитие отраслей с убывающей отдачей, обречены на отставание. Они не могут столь же эффективно воспользоваться расширением рынков, как страны с передовыми технологиями. «Развитые страны специализируются на производстве капиталоемких и инновационных товаров, по полной извлекая выгоду из экономии на масштабах и из возрастающей отдачи. Менее развитые страны специализируются на производстве низкотехнологичных товаров или занимаются сборкой готовых деталей; в этой деятельности нет возможности экономить на масштабах. В результате свободная торговля уничтожает больше национального богатства, чем приносит» (214). Таков вывод автора, неутешительный для стран с менее преуспевающими видами деятельности.

«Стандартная теория международной торговли в том виде, в каком она сегодня применяется, неуместна и даже вредна, когда в торговые отношения вступают страны, находящиеся на разных уровнях развития» (29). Разные уровни развития предполагают разную экономическую политику. Свободная торговля и расширяющиеся рынки оказывают благотворное влияние только на развитую обрабатывающую промышленность и продвинутые услуги. На рынке побеждает производитель, который предлагает товар большей полезности при относительно меньшей стоимости. А это достигается странами, которые имеют высокоразвитую промышленность и услуги с возрастающей отдачей. При открытии рынков и глобализации менее развитая промышленность просто гибнет. «Форма глобализации и скорость, с которой она проводится в последние 20 лет, привели к деиндустриализации многих стран, и они невольно оказались в ситуации, когда их производство постоянно характеризует убывающая отдача» (140).

Райнерт, как и его предшественники и сторонники, выступает за свободный рынок и глобализацию, но без шоковой терапии, не учитывающей разные уровни развития. Открытие национальной экономики для свободных рыночных отношений требует предварительной подготовки и переходного периода для того, чтобы приспособиться к окружающим условиям. «Резкая смена торгового режима — недопустимая ошибка, — пишет он. — Системе производства нужно время, чтобы приспособиться к окружающим условиям» (89). «Если после периода относительной автаркии внезапно начинается свободная торговля между от-

носителем развитой и относительно отсталой страной, то наиболее продвинутой и наукоемкий сектор промышленности наименее развитой страны имеет тенденцию к вымиранию» (213). Он не только приобретает новые рынки, но и теряет свой собственный и гибнет. «Россия, напротив, применила рекомендованную шокотерапию, и последствия ее были чудовищными» (148). К сожалению, здесь возразить автору нечего, помня о том, что в 90-е годы прошлого столетия за 9 лет спада валовый продукт страны сократился вдвое, а целые отрасли обрабатывающей промышленности, например авиационная, были уничтожены или сведены к минимуму. «Внезапное падение производства, к которому привела шокотерапия, уничтожило виды деятельности, в которых присутствовала экономика на масштабах. Выжили только виды деятельности, для которых была характерна либо постоянная, либо убывающая отдача» (203).

Потребность в расширении рынков сбыта возникает по мере того, как уровень конкурентоспособности отраслей обрабатывающей промышленности повышается, а сама она стремится к режиму открытой экономики. Тем самым, делает вывод автор, «успешная политика протекционизма несет в себе зерно своего же уничтожения» (111). «Фридрих Лист, известный протекционист, — ссылается автор на авторитетное мнение, — был за введение глобальной торговли, но только после того как все страны достигнут сравнительного преимущества в видах деятельности с растущей отдачей. Он возражал не против свободной торговли как таковой, но против неправильного выбора времени для ее введения» (276). Райнерт постоянно внедряет мысль, что истина

конкретна, следовательно, нет теоретических выводов вообще, пригодных для всех случаев и на все времена. «Камень преткновения в споре, — обращает внимание автор, — это контекст и время для введения режима свободной торговли» (149). «Открывшись слишком поздно, страна рискует серьезно задержаться в развитии, а открывшись слишком рано, может пострадать от деиндустриализации» (283). «Деиндустриализация может привести к явлению, противоположному развитию, — к регрессу и экономической примитивизации» (198). Автор иллюстрирует печальную картину деградации в экономической жизни примером Монголии, которая вернулась к первобытным формам кочевого животноводства. «Глобализация в ее сегодняшней форме оставляет многие страны позади, деиндустриализирует их... [что произошло] во многих странах бывшего социалистического лагеря (включая Россию)» (195).

Каждая страна поставляет на мировой рынок ту продукцию, в которой она имеет конкурентные преимущества. «Доктрина сравнительного преимущества, начавшаяся с Рикардо, сегодня стала краеугольным камнем международного экономического порядка» (50). Однако, возведенная в абсолют, она может принести стране не только пользу, но и вред. Автор категорически возражает против того, чтобы эти преимущества закреплялись в национальных экономиках, так как в зависимости от вида деятельности они несут разные последствия. Так, «богатые страны специализируются на сравнительных преимуществах, созданных руками человека, в то время как бедные страны — на сравнительных преимуществах природного происхождения» (141).

Следовательно, «экспорт богатых стран развивает их экономику, то есть увеличивает отдачу и создает несовершенную конкуренцию, а традиционный экспорт бедных стран, наоборот, влечет вредные для экономики последствия» (37). Выходит, что «одни страны специализируются на богатстве, а другие в соответствии со своим сравнительным преимуществом — на бедности» (30). Опасность глобализации как раз и состоит в том, что она закрепляет подобную специализацию. «Богатые страны, как правило, экспортируют продукты отраслей, в которых происходит быстрое технологическое развитие, и импортируют продукты пассивных отраслей» (168). Развитые страны тем самым ускоряют свое развитие и уходят вперед, у менее развитых стран отсталость и догоняющий характер экономики закрепляются. «Свободная торговля выгодна обеим сторонам только в случае, — делает обос-

нованный вывод автор, — если они находятся на одной стадии развития» (97). «История доказывает, что симметричная свободная торговля, то есть между странами, находящимися примерно на одном уровне развития, идет на пользу обеим сторонам. Несимметричная свободная торговля приводит к тому, что бедная страна специализируется на бедности, а богатая — на богатстве. Для того чтобы выиграть от свободной торговли, бедная страна должна сначала избавиться от своей международной специализации на бедности. За последние 500 лет ни одной стране не удавалось это сделать, не прибегая к вмешательству» в рыночные отношения (149). Система капитализма имеет различные последствия: они там, «где деньги делаются при помощи обрабатывающей промышленности, совсем другие, чем в странах, где заработать можно только на сырье» (115).

ЭМУЛЯЦИЯ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ

Райнерт настаивает на том, что успешное развитие должно начинаться с подражания, заимствования, воспроизведения опыта передовых стран. «Эмуляция, — определяет он, — это имитация с целью сравниться и превзойти» (24). Ничем не ограниченный открытый рынок и глобализация закрепляют существующую специализацию стран и разрушают неокрепшую менее развитую промышленность. Рынок обеспечивает условия развития сильным и не имеет механизмов защиты слабых. Менее развитые страны могут перейти к более прогрессивной структуре производства путем заимствования, копирования, воспроизведения лучших достижений

в сфере обрабатывающей промышленности и продвинутых услуг, так или иначе ограничивая на время свободную конкуренцию. «Согласно альтернативной экономической парадигме другого канона, которая сочетает элементы исторической и эволюционной теорий, — утверждает автор, — развитие происходит благодаря эмуляции и ассимиляции: менее продвинутые страны учатся у более продвинутых, копируя их экономическую структуру и институты. Ключевые элементы в этой стратегии эмуляции и ассимиляции — патентная защита, научные академии и университеты. Экономическое развитие зависит от вида деятельности, оно привяза-

но к кластерам экономической деятельности, для которой характерны возрастающая отдача, динамическая несовершенная конкуренция и быстрый технологический прогресс» (279).

Сырьевая экономика ориентирована на то, чтобы извлекать земельную ренту, ренту добывающей промышленности. Выгода в данном случае определяется ограниченными природными ресурсами и монополиями на природные ресурсы. Производство здесь пассивно, оно может обеспечить большие или меньшие объемные показатели, а не развитие. «То, что мы называем развитием, — разъясняет автор, — является рентой, основанной на знании и технологиях, и эту ренту зачастую подкрепляет, а не наоборот, свободная торговля» (30). «Экономисты путают, — настаивает Райнерт, — носитель прогресса (торговлю) с причиной прогресса (технологией)» (88). Относительно отсталая экономика может перейти на новый технологический уровень лишь с помощью сознательных усилий по заимствованию, копированию, воспроизведению чужого опыта.

Автор книги предлагает ряд правил эмуляции. «Сознательное стремление к видам деятельности, для которых характерна растущая отдача; их поддержка и защита» (112). Как принято говорить сегодня, нужна политическая воля. «Введение в рамках определенной географической области временных монополий/патентов защиты видов деятельности, которые принято решение развивать» (113). Предоставление налоговых льгот, кредитов, экспортных субсидий, ограничение вывоза сырья, развитие системы подготовки рабочей силы, образования. «Признание того, что развитие — это явление синерги-

ческое, а значит, сектор обрабатывающей промышленности должен быть диверсифицирован» (113). Он не может развиваться изолированно, порождает множество специальностей, производств и, в свою очередь, предъявляет спрос на новые специальности и новые изделия, что нехарактерно для сырьевой экономики. Стратегически сектор обрабатывающей промышленности должен решать вопросы занятости, экономического роста, платежного баланса.

«Неоспоримый факт: богатые страны разбогатели благодаря тому, — утверждает автор, — что десятилетиями, а иногда и веками их правительства и правящая элита основывали, субсидировали и защищали динамические отрасли промышленности и услуг» (29). «Следуя скорее примеру Англии, чем ее советам, Соединенные Штаты защищали свою обрабатывающую промышленность 150 лет» (55). «Лучше иметь в стране неэффективный сектор обрабатывающей промышленности, — утверждает Райнерт, — чем не иметь его вообще» (26). В этом случае есть промышленная основа, над которой надо работать, совершенствовать технологии, инженерию, организацию, менеджмент, повышать эффективность производства. «Если промышленный сектор страны слаб, то надо работать над его эффективностью, а не закрывать сектор. Это, вероятно, самое важное правило, которое было забыто» в ходе рыночных реформ 90-х годов прошлого века (274). Сильный промышленный сектор не может возникнуть сам по себе, он не может сразу быть совершенным. «Страны начинали строить свое богатство, создавая „неэффективные“ национальные сектора промышленности» (283). Райнерт форму-

лирует важный методологический принцип взаимоотношений между регулирующей функцией рынка и экономической политикой. Несовершенства обрабатывающей промышленности «не просто можно, но нужно компенсировать экономической политикой, которая подержала бы промышленный сектор» (267). Когда промышленный сектор окреп во многих странах, «рынок взял на себя роль, которую раньше выполняли протекционистские меры, и отечественной промышленности не нужна была больше защита» (277). Из этого следует, что политика протекционизма и политика свободной торговли совершенно равноправны и правомерны в выражении и развитии обрабатывающей промышленности и продвинутых услуг.

Достигнув высокого уровня экономического развития, богатые страны открывают границы и тем самым стимулируют соревнование, конкуренцию, кооперацию; прогрессивное движение производства как бы осуществляется автоматически. В этом случае рынок берет на себя функцию экономической политики. «То, что мы называем экономическим развитием, является непреднамеренными последствиями экономической деятельности только в присутствии таких факторов, как возрастающая отдача, разделение труда, динамическая несовершенная конкуренция, а также возможность для инноваций. Соответственно, экономическое развитие — это преднамеренные последствия определенной экономической политики» (240). Накопления капитала в сырьевом секторе необходимо направить на развитие обрабатывающей промышленности. После открытия Америки, приводит пример

автор, в Испанию хлынули потоки золота и серебра, но «это богатство не было инвестировано в производство, а привело к деиндустриализации страны» (114). Не то же ли самое мы наблюдаем в современной России, накопления и валютные резервы которой постоянно утекают в страны с развитой обрабатывающей промышленностью и продвинутыми видами услуг?

«Гармония не является естественным состоянием общества», — констатирует Райнерт (22). В самом деле, политическая, экономическая, институциональная системы общества создаются людьми в результате их целенаправленной деятельности с учетом условий жизни, иначе наступает хаос. Рынок не может заменить созидательную работу общества, он сам существует в определенной институциональной, политической и экономической среде. «Без продуманной политики рынок не способен создать экономическую гармонию» (72). Рынок вообще немислим без институциональной и правовой системы государства, которая определяет права собственности, защищает рыночные сделки, вводит патентную защиту. «Изобретения и инновации никогда не могли быть воссозданы на свободных рынках без вмешательства государства» (119). Это приводит нас к вопросу о том, что представляет собой это вмешательство, в чем заинтересованы правящие группировки и какие цели они ставят перед страной. Выбор правящей элиты решающим образом влияет на экономическое развитие. Автор приводит примеры успешного и трагического выбора правящей элиты как из истории народного хозяйства, так и из эпизодов реформирования современных экономик. «Сравнивая Испанию и Ан-

глию периода 1500-х годов, мы видим, как важно, в чьих руках находится политическая власть — у тех, кто заинтересован в производстве сырьевых товаров, как в Испании, или у тех, кто заинтересован в развитии обрабатывающей промышленности, как в Англии» (115).

«Распространение богатства в Европе, а затем и в других развитых частях света стало результатом сознательной политики соревнования: сила рынка была приручена, как сила ветра, для достижения поставленной цели. Однако сила ветра, как и сила рынка, не всегда двигает в правильном направлении. Кумулятивные факторы и траектории развития заставляют рынок „дуть в паруса прогресса“ только тогда, когда в стране уже достигнут высокий уровень развития. Чем беднее страна, тем реже ветра *laissez-faire* дуют в нужном ей направлении» (50). Райнерт считает, что общепринятая экономическая теория и рекомендации международных организаций как раз игнорируют уровни развития разных стран. «Отсутствие контекста в стандартной экономической теории поэтому является фатальным недостатком, который исключает любое качественное понимание предмета» (50).

Подобным же образом переоценивается роль индивидуальных интересов в экономическом развитии. Господствующее направление экономической мысли абсолютизирует частные интересы и недооценивает общественные. «Методологический индивидуализм по определению отказался от понятия национально-общественного интереса» (241). «Нельзя считать интересы индивиду, — пишет Райнерт, — единственной движущей силой общества, как это делает стандартная экономика» (240). «Вполне возможно зара-

батывать деньги способами, которые противоречат общественным интересам. Можно их зарабатывать даже за счет уничтожения экономики» (241). Не это ли случилось в экономике России в 90-е годы прошлого столетия, когда ВВП страны сократился практически наполовину, когда десятки миллионов оказались за чертой бедности, но как раз тогда, в атмосфере упадка, появились российские миллиардеры? «Механизм создания общественного блага за счет частных пороков может работать и в обратную сторону — из общественных пороков создавать частное благо» (242). В обществе и в экономике необходим баланс частных и общественных интересов. «Экономическое развитие происходит там, где общественные интересы страны не противоречат частным корыстным интересам капиталистов», — заключает Райнерт (287). В советской России, вспомним собственную историю, пренебрегали частными интересами, в 1990-е годы забыли об интересах общества.

И вот новый поворот мысли. «От экономического строя (городских ремесел и промышленных отраслей) зависит политический строй, а не наоборот; что промышленность ни в одной стране не появлялась без того, чтобы ее сознательно строили, охраняли и стремились к ней. Создание и защита промышленной деятельности есть создание и защита демократии» (258). Вид производственной деятельности, по мысли Райнерта, решающим образом влияет на государственное устройство. Сырьевая экономика обладает слабым потенциалом разделения труда, кооперации, спроса на знания. Отрасли с возрастающей отдачей, наоборот, способствуют сотрудничеству и взаимодействию общест-

венных сил. Отсюда автор делает вывод: «Путь к демократии лежит через диверсификацию экономики и неременный отказ от производства только сырьевых товаров» (257) «Если производственная система страны лишена деятельности с возрастающей отдачей и синергическими эффектами, без них страна становится не интегрированным национальным государством, а родовым сообществом» (231). Читая эти строки, невольно вспоминаешь наш Кавказ и северные территории. В сырьевой экономике нет оснований для демократического устройства общества, так как диверсификация экономики слишком слаба. По этой же причине не может появиться и развиваться средний класс — ему просто нечего делать. «Создание сектора обрабатывающей промышленности, а за ним и демократии считалось частью одного процесса — цивилизации. <...> Существует близкая связь и необходимая зависимость между двумя этими явлениями — свободой и обрабатывающей промышленностью»

(117). Так виды экономической деятельности влияют на государственное устройство, а экономическая политика предопределяет, «в какие паруса дуют» рыночные силы.

В целом в книге Эрика Райнерта отвергаются догматизм в экономической теории, фетишизация свободной торговли, частного предпринимательства и глобализации. Экономические законы не действуют автоматически, нельзя игнорировать субъективные факторы общественного развития. В сущности, это подход с позиций здравого смысла и учета реальных фактов экономической действительности. То, что произошло с нашей страной и экономикой в последние 20 лет, в каком состоянии находится она сегодня и какие возможны варианты ее развития в будущем, легко понять с позиций альтернативной экономической парадигмы другого канона, как определил свой методологический подход Эрик Райнерт. Это и есть лучшая оценка рецензируемой книги.

Николай Расков

АФФЕКТИВНАЯ НАУКА

Игорь Исаев. Господство: очерки политической философии.

М.: НОРМА, 2011. — 351 с.

Отечественная книга по политологии — это, как правило, школьное сочинение с обширными цитатами из чужих учебников и монографий. Скучно и глупо. Читать такое нет никакой возможности. Лучшие из лучших пишут и думают на языке торговых соглашений и подзаконных актов. В недра не спускаются, зато окрестности рисуют довольно точно. Там конвенция, здесь

конституция, тут выдержка из меморандума — и дело в шляпе. Исаев как будто принадлежит ко вторым. Его книга — пересказ теорий, но не как у всех. С идеей. Последовательно переходя от одного текста к другому, он старается доказать, что на нынешнем этапе развития гуманитарного знания политическое есть тайна и изучать ее следует соответственно. Не дедукцией и ста-